

Вита ПШЕНИЧНАЯ

г. Псков

В ОЖИДАНИИ

ВЕСНЫ

эссе

Ты ли это, Родина моя?.. Или – земля?.. Или – дом родной и единственный?.. Как обратиться к тебе, чтобы ты наконец услышала меня?.. Я пытаюсь снова и снова подобрать те самые верные слова, но ты так и остаешься – чужой и безответной... Или мне это только кажется?.. Или не более чем плотная пелена горького едкого дыма простёрлась над тобою, безудержно и жадно поглощая мои тихие звуки?.. Как лёгкое дыхание, как плавное, никем не почувствованное движение со стороны, они пропадают в безмолвном, сером дне так и не наступившей пока весны... Может, нужно просто набраться мужества и немного подождать, когда он, этот проныра-дым, развеется вырвавшимся на волю свежим ветром или опрокинувшимся на землю бодрящим проливным дождём и я увижу твоё ясное, открытое лицо, черты которого почти стёрлись из моей памяти... Почему я до сих пор хоть и смутно, но помню тебя и скучаю? Почему всё чаще и чаще, просыпаясь среди ночи, я не могу сдержать слёз, когда чувствую твоё присутствие в невесомых, так быстро ускользающих снах, и меня, ещё спящую, захлёстывают волны безудержной тоски по навсегда утраченному ощущению беззаботного, чистого счастья?..

* * *

Вкакое диковинное время выпало нам жить! Даже в слове «диковинное» видится прежде именно негативный смысл, за которым проглядывает не сказочное «диковинка» или просторечное древнее «чудь», а назойливо маячит неизбежное, как смертный приговор, – «дикость». А следом, как лютая свора голодных псов, тотчас готова сорваться с казалась бы прочной привязи нездоровая «атрибутика повседневности» – гнев, непримиримость, раздражение, круто замешенные на простом человеческом отчаянии...

В непрестанной беготне по своим мелким обыденно-рабоче-семейным делам не сразу и замечаешь чудовищные метаморфозы окружающего мира. Но стоит лишь приостановиться, как донесётся откуда-то (не из души ли?): «Постой! Кто в мире мы с тобою, / Брат?! – Я и плачу, и молю. / Но все прохожие гурьбою / Спешат с ухмылкой кривою, / Не глядя в сторону мою...»* – и тут же начнёшь задыхаться от сознания собственного бессилия противостоять тому множающемуся безумию, которое, подобно огромному животному, уже протянуло свои чуткие нетерпеливые щупальца повсюду. И ведь не брезгует ничем, и любая новая, теплящаяся ещё в человеке душа – самое лакомое для него кушанье...

Так много сейчас и говорят, и пишут о том, что умирает культура, что смещены акценты в системе нравственных ценностей, в понимании нами самих себя, что фактически «стёрты» с наших «внутренних устройств» такие понятия, как милосердие, совесть, сопереживание... И рад бы заступиться, опровергнуть сказанное, но начнёшь оглядываться вокруг... и умолкнешь стыдливо – так много стало истинно Пустоты в незримых, автономных организмах под, как некоторым, наверное, представляется (а представляется ли?), нелепым, устаревшим названием «душа человеческая». Если кто и задумается невольно: «Какая такая «душа»? где она?.. – то сразу себя и одёрнет: – А ну её!.. Тут и без того забот – полон рот!...» Что полон, то верно. Я бы даже сказала точнее – забит: эфиром, прессой, сплошь покрытыми пятнами запущенной нездоровой желтизны; макулатурой, прошу прощения, сугубо одноразового пользования... Как «заботлив», как трогательно скромен не отмеченный ни в одних титрах «режиссёр» разрушительного информационного потока!.. Тут простому человеку себя да своих близких бы уберечь-не-потерять: «не до души, братцы... дух бы успеть перевести...»

Впрочем, пишут о ней, душе, пишут. И говорят, может, и много, да ничего не меняется. И представ-

ляется: а вдруг действительно тогда, в начале лихих 90-х, ей, нашей земле ненаглядной, наспех, впопыхах сделали что-то вроде насильственной пластической операции, изуродовав ясный лик, вот она теперь, опомнившаяся, но не смирившаяся, сослепу и мстит всем подряд, считай, которое десятилетие?.. Тут и обида понятна, и мщение, но ведь бьёт-то она не только по нам, ровесникам этой оцетинившейся против человека эпохи. Бьёт по нашим детям, которые, получается, с рождения без вины виноваты. По родителям, с которыми всё труднее найти общий язык и объяснить, что же за беда с нами всеми стряслась, почему она никак не заканчивается, почему мы так тяготимся друг другом и в ненасытном недовольстве, в озлобленности на вынужденное полунищее сожительство длятся дни наши?.. Неужели пора, подобно гоголевскому Хоме Бруту, очертить вокруг себя и любимых сердцем людей меловой круг, глядишь, и удастся сберечься от убийственных гримас наступившего безвременья. Да только где взять тот волшебный мел?..

Это ведь не случайность, когда начинаешь думать или говорить о Руси, заговариваешь и о доме родном, и о душе человеческой... Уверена, эти категории есть одно неразрывное целое. Первая дополняет вторую и немислима без третьей. Да и возможно ль полнокровно общаться и жить, когда в душе прочно поселилась смута? Как не чувствовать себя лишним в своём родном Отечестве, наблюдая нескончаемый «праздник жизни», более похожий на чумовой, вакханальный пир, на котором все места давно заняты и тебя на нём точно никто не ждёт? Как устоять перед почти ощутимым желанием упрекнуть, отойти в сторону, раздосадованно махнуть рукой, а порой и сознательно отрешиться от такой жизни?.. Или попросту взять и запереться на все замки: затаиться, переждать, перемучиться в спасительном одиночестве?! Но ведь в одиночестве ещё и умирают...

Я люблю жизнь, но вся моя сущность, вплоть до махонькой клеточки, противится этой жизни, бунтует, когда я вижу несправедливость. Прежде так и хочется уточнить: в иной жизни её проявления были единичны, и человек совестливый и равнодушный (вслушайтесь, даже звучит как атавизм или как научный термин: «человек совестливый») не боялся противостоять ей в одиночку. И неизменно оказывался сильнее (я помню ту силу). Не потому ли, что чувствовал за собою надёжный тыл – родовую силу жизненной правды, той самой, которая одна на все времена?.. А теперь – ни защиты, ни правды. И кулаками, пусть даже и хиленькими, не намашешься...

Не так давно я стала невольным свидетелем одной сцены: в самый разгар рабочего конфликта директриса с иронией (или насмешкой?) спросила у подчинённого: «Вы что, на самом деле верите, что существует справедливость? А Вам не кажется, что это очень размытое понятие?.. Что у каждого человека она – своя?..» Наверное. На месте того бедняги я бы не нашла сразу, что ответить, – слишком невозможными и возмутительными показались те вопросы, как и интонации самоуверенности, и сам её вид, воплощающий самоуверенность и несомненную собственную «правоту», по сути – всё оправдывающую и потому страшную. И это, увы, объективная реальность, на которую настроено и уже не миролюбивое, но пока ещё не утратившее созидательной способности сознание отдельного человека или этноса, и – взятое в целом – агрессивное сознание толпы.

В нынешнем социуме (воздержусь от понятия «общество»), который так называемая власть упорно пытается отформатировать на свой, сугубо персональный лад, никаких вариантов Будущего пока нет. Ибо главные составляющие – мораль и культура – в нём отсутствуют. А ведь именно они и есть первоосновы развития любой здоровой, полноценной нации. В нас же с младенчества «вымывается» страх перед своей совестью, перед Богом, перед Высшим судом, перед другим человеком – называйте как угодно, суть одна. Попробуйте на улице подойти к любому прохожему, заговорите с ним о Добре, Зле, Справедливости... В лучшем случае, вас засмеют и, снисходительно выслушав, запишут в городские сумасшедшие, в худшем – пошлют. Что-что, а не требующую никаких умственных усилий науку «посылать» мы постигаем в совершенстве уже практически с детского возраста. А вот более серьёзного, требующего неторопливости, вдумчивости, разговора избегаем – так избегают смотреть в глаза тем, кого предали, от кого по малодушию спешно отказались, предвидя лишь обузу-грузило и головную боль на всю оставшуюся жизнь. Да и какая такая «вдумчивость», если нам даже начальной азбуки одолеть не дают?.. Её, дивную, сложенную Бог весть когда чутким, созерцающим мир и внимающим ему (миру) Человеком – помните, «Аз, Буки, Веди...», «Аз Есмь Добро», «Глагол», «Жити», «Зело» – попросту не преподают в начальных классах. А как было бы верно начинать первичное «освоение жизни» с этих простых, незатейливых слов, постепенно знакомясь с их сутью, а через неё – с истоками своей русской (российской) природы!.. В ней же всё, от мысли до поступка, имеет глубинную, непреходящую сущность, корнями уходящую в далёкое прошлое, без которого все мы – тени, жалкое подобие жизни.

А мы с младенчества опутаны какими-то блеклыми полутонами. И для большинства из нас буквы – просто буквы, обыкновенные мёртвые знаки, заключающие необременительный сгусток чисто информативного свойства; слова – не более чем способ на доступнейшем, примитивном уровне «нести» свою «высочайшую» персону в социум; поступки – вынужденно-обязательное условие для удовлетворения своих стандартных запросов и первичных потребностей... Так и вертимся вокруг своей маленькой оси, не заглядывая ни ввысь, ни вглубь, не мороча себя поисками эфемерной («да и есть ли она?») сути. Потому, может, и Родина, исказившись в нашем воспалённом сознании как в кривом зеркале, предстаёт перед нами то падшей девкой, то злой мачехой? Или, глядя на нас, она тоже привыкла казаться хуже, чем есть на самом деле, а теперь не знает, как выправиться и открыться перед нами?.. Не отвернёмся ли мы от неё окончательно? Не поднимем ли на смех? Ведь умышленно ли, нет, но подчёркнутой грубостью односложных фраз, обилием и убогой пестротой сменяющихся забрал, масок, неоправданной жестокостью (как невыигрышно, как страшно проявить себя слабым, сентиментальным, нежным!), показной уверенностью и ложной самостоятельностью мы лишили её главного назначения: любить нас, своих детей, возиться с нами, ласкать, целовать, утешать, если мы плачем, защищать, если нас кто-то обидел. Обучать первому Шагу, Поступку, первой Мысли – именно так, с заглавных букв, ибо крепко в нашем народе языческое начало, в котором любой предмет, любое действие одушевлено и наделено силой. Первым Словам, за которые важно уметь держать достойный ответ...

Мы же и сейчас помним об этом всегда, только какой-то чуть ли нездешней, потусторонней памятью, ещё сохранившимся наитием. Помним, но сами се-

бе боимся признаться, и потому «бродят», настаиваются на недосказанности, недомолвках, витиеватых намёках беспокойные наши души, которым и надо-то всего – успеть выговорить себя. Не потому ли – словно незаживающая рана саднит – всё настойчивей, неотвратимее звучит, прорываясь наружу из сбивающихся с обычного ритма людских сердец на разные лады, на разных языках, в разных концах нашей земли беспокойное нестройное многоголосье: «Господь, вопрос мой разреши,/ Он вызывает опасенье: / Что, если Родины спасенье / В спасенье собственной души?// А я грешу, хоть в том и каюсь, / Но при раскладе при таком / Не я ли, Господи, являюсь / Отчизны собственным врагом?!» * ...

* * *

Родина моя, услышь этот наш – ещё не слившийся в единый – тихий то ли зов, то ли плач, и ты поймёшь, что в нас давно уже вызрело и крепнет молитвенное слово... Мы сполна натешились призрачной свободой и необъявленным, затаенным «сиротством»; мы, бедные твои дети, всё чаще и чаще с растущей надеждой заглядываем в небо в ожидании спасительного света и верим, что дождёмся его. С каждым новым годом жизни сердца наши всё отчаяннее ждут наступления весны, словно только с её приходом и предстанет перед нами въяве тот незримый порог, за которым и возможно начало истинного обновления и просветления. Это ведь только кажется, что Главное начинается с чего-то постороннего, дальнего. Оно всегда начинается с каждого из нас, в ту самую минуту или мгновение, когда человек это понимает.

* Стихи Николая Зиновьева.

Вита ПШЕНИЧНАЯ

(Шафронская Вита Валерьевна)

родилась во Владивостоке в 1969 г.

Публикуется с 1986 года.

Автор книг стихов «Впервые так+» (2002), «Солёная палитра» (2003).

Печаталась в различных изданиях в России и за рубежом.

Член Союза писателей России.

Живёт в Пскове.

В журнале «Север» публикуется впервые.

